

Сливицкий Алексей Михайлович

Повесть о Савве Грудцыне

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович С.**
Повесть о Савве Грудцыне / Сливицкий Алексей Михайлович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 210 с.

ISBN 978-5-519-73937-5

ISBN 978-5-519-73937-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И сынъ возрасталъ на радость родителей: любовались имъ не только отецъ съ матерью, но и чужіе: такой вышелъ парень рослый, да складный, да пригожій, что хоть бы и самому знатному боярину такого сына, такъ было бы чѣмъ похвалиться.

При одномъ же случаѣ Савва показалъ, что Богъ не одѣлилъ его и смышленостью. Пришли разъ къ Оомѣ три какихъ-то дворянчика, сказались московскими, вынули грамоты съ печатями,—такъ и такъ,—требуютъ Оому въ Москву: купцовъ де въ Москвѣ мало, торговля замерла, такъ изъ всѣхъ городовъ зоветъ царь торговыхъ людей въ Москву. Что тутъ дѣлать? Надавалъ имъ Оома десять рублей—не идутъ. Старикъ раскручинился, чуть волосы не рветъ на себѣ, Грудцыниха въ слезы. Вотъ тутъ-то молодой Грудцынъ и показалъ свой разумъ, такъ что вся Казань заговорила о немъ.

«За одно пропадать!»—подумалъ Савва.—«А ну-ка, сбѣгаю къ самому къ воеводѣ, можетъ, и не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ».—Шепнулъ отцу да и убѣгъ.

Принялъ Савву воевода милостиво, выслушалъ. Что же? Еще дворянчики торгуются у Оомы въ домѣ, а ужъ отъ воеводы пришли схватить ихъ: всѣ оказались бродяги переодѣтые и обобрали уже многихъ. Савва былъ громко прославляемъ отъ всѣхъ казанцевъ за такое благое дѣло.

Вотъ возмужалъ Савва, и задумалъ старій Грудцынъ послать его впервые на особое дѣло. Много уже лѣтъ, ради смуты, не ходили грудцынскіе струги въ Соликамскъ, и думалось Оомѣ, что тамошнее дѣло уплыветъ у него изъ рукъ, если не возобновить его вскорѣ. Устроилъ Оома струги новые, на диво всѣмъ,

нагрузилъ ихъ всякимъ товаромъ и, давъ сыну многія наставленія и родительское благословеніе, проводилъ его въ далекій путь. Самъ же, помедля немного дней, чтобъ дать своей хозяйкѣ придти въ себя отъ первой разлуки съ сыномъ, пустился благословясь въ Шахову область со всякими дорогими мѣхами и другими рѣдкостными товарами, чая великой прибыли.

Тяжело въ первый разъ покидать родное гнѣздо: жутко стало Саввѣ, какъ скрылась изъ виду Казань за утреннимъ туманомъ. Пріосанивался, бодрился молодецъ, а все нѣтъ-нѣтъ да и вздохнетъ... Но дорога разгуливаетъ скоро всякую тоску. Такъ и съ Саввой было. Уже къ полудню онъ весь отдался дѣлу: подвелъ счеты, наградилъ рабочихъ, отсчиталъ и раздѣлилъ по мѣшкамъ деньги, что на что требуется, провѣрилъ товаръ, а потомъ заглядѣлся на матушку Волгу, и стало ему даже какъ-то радостно, точно сердце предвидѣло счастье какое въ далекой незнаемой сторонѣ.

Вотъ ужъ начало и вечерѣть. Загорѣлась широкая Волга отъ румяной зорьки, стала огненная,—приблизалось устье Камы, въ которую надлежало свернуть на Соликамскъ: всякій часъ въ дорогѣ приносить новое мѣсто, новую заботу,—время идетъ незамѣтно.

Долго ли, скоро ли, достигъ Савва Соликамска благополучно. Первымъ дѣломъ онъ разыскалъ гостиника, у котораго строго-на-строго наказалъ ему отецъ остановиться. Какъ услыхалъ гостиникъ, что передъ нимъ стоитъ сынъ Грудцына, не зналъ куда и усадить такого дорогого гостя. И самъ и жена его, помня милости Оомы Саввича, съ ногъ сбились, чтобъ угодить пріѣзжему,—ухаживали за Саввой, какъ за роднымъ сыномъ.

Вотъ устроился Савва, отдохнулъ съ дороги и прилежно занялся дѣломъ. Повелъ дѣло ходко, такъ что соликамцы и прїѣзжіе купцы, знавшіе стараго Грудцына, говорили втихомолку:

— Видно, яблочко отъ яблони не далеко падаетъ!

Уже съ мѣсяцъ Савва былъ въ Соликамскѣ. И сталъ онъ, наконецъ, скучать по Казани. Городишко Соликамскъ маленькій, все людъ глупый, жить не съ кѣмъ; съ прїѣзжими о чемъ и стоило толковать, все было на тысячу ладовъ перетолковано,—одни были толки, ужъ Савва ихъ наслушался и въ Казани: все тѣ же жалобы на новые порядки, что много царь надавалъ льготъ нѣмецкимъ купцамъ.

— Намъ теперь съ ними не стянуть,—ворчали купцы, уплетая за обѣ щеки лапшу да разныя солянки:—чѣмъ кормиться и сытымъ намъ быть,—все отнято.

Молодой Савва не видѣлъ, чтобы грозила бѣда отъ иностранныхъ купцовъ: русскіе купцы жили не бѣднѣе прежняго, — и всѣ эти толки надоѣли ему по горло. Спалъ онъ и видѣлъ одно: какъ бы расторговаться поскорѣе да поприбыточнѣе, да вернуться къ матушкѣ въ славную Казань, да похвалиться передъ другими, что все дѣло сдѣлано имъ молодецки.

«Пусть узнаютъ, каковъ я!»—думалось ему.

Скучалъ сильно. Лишь одинъ день за цѣлый мѣсяцъ выдался такой, что Савва весь вострепнулся, и Соликамскъ сразу сталъ ему дорогъ.

Шелъ онъ разъ объ обѣденную пору съ пристани въ гостиницу, завернулъ за уголъ, глянулъ, да такъ и сталъ, какъ вкопанный: отродясь не видѣлъ Савва такой красавицы... И чудо—онъ глазамъ своимъ не повѣрилъ,—красавица ему лукаво улыбнулась. Опомниться не успѣлъ Савва, исчезла изъ виду. Кто она?

гдѣ живеть?—долго это мучило Савву; но сколько онъ ни бродилъ по городу, сколько ни заглядывалъ въ окна богатыхъ домовъ (ибо одежда на ней была богатая), красавицы и слѣдъ простылъ. И скоро Соликамскъ опять сталъ не любъ Саввѣ. А какъ получилъ онъ письмо отъ матери, до того его потянуло въ Казань, что хотъ бросить все дѣло, такъ въ ту же пору.

Только разъ утромъ идетъ Савва мимо лавокъ одного богатѣйшаго соликамскаго купца Боженъ, видитъ,—самъ хозяинъ, приземистый тучный старикъ, сидитъ у воротъ и во всѣ глаза глядитъ на него. Наслышался Савва объ этомъ Боженѣ не мало: о его богатствѣ великомъ, а особенно о благонравномъ житіи старика. Поровнялся съ нимъ Савва, вдругъ старикъ ему съ привѣтливой улыбкой:

— Савва Ѳомичъ Грудцынъ!

«Почемъ онъ меня знаетъ?»—подумалъ Савва.

Поклонился старцу,—не знаетъ, что и сказать.

Шла пятая недѣля по Пасхѣ: Боженъ поднялся, скинулъ шапку,—похристосовались по обычаю.

— Что же самъ Ѳома Саввичъ къ намъ не пожаловалъ?—спрашиваетъ Боженъ.

— Батюшка отъѣхалъ за море,—объяснилъ Савва:—меня одного сюда послалъ.

Боженъ слушаетъ и такъ умильно улыбается.

— Смотрю,—говоритъ,—на тебя, красавчикъ, обрости ты бородой,—вылитый отецъ!

• Потомъ ласково взялъ Савву за плечи.

— Или,—говоритъ,—ты не знаешь, родной, какіе мы старинные друзья съ отцомъ твоимъ? Не слыхалъ отъ батюшки о Николѣ Провичѣ Боженѣ?.. Ахъ, ми-

луй, да вѣдь мы съ нимъ, чтò братья родные! Бывало, какъ праздника, жду его приѣзда. Не иначе счелъ онъ меня въ умершихъ; времена ужъ нонѣ такія: народъ чтò муха мретъ. Не хотѣлъ же онъ нарочито меня обидѣть? Хотъ бы поклонъ прислалъ. Грѣшно ему, грѣшно! Ну, касатикъ, войдемъ въ лавку, да послушай, что я скажу тебѣ.

«Вотъ привязался!»—подумалъ Савва.

Вошли въ лавку. Пока Савва крестился, а видитъ: Боженъ такъ-то любовно глядитъ на него своими добрыми глазами; потомъ и говоритъ ему таинственно:

— Соколикъ мой, не слѣдъ тебѣ въ гостиницѣ обитать. Или моимъ домомъ побрезгуешь? Ты послушайся меня, сынокъ,—сегодня же перебирайся; ради Омы Саввича приму тебя, какъ сына родного. Во всякомъ дѣлѣ послужу тебѣ и совѣтомъ и всѣмъ. Нынѣ жъ воровство такое развелось, убійства что ни день,—долго ли до бѣды? А у меня ты безопасенъ будешь, меня весь городъ знаетъ.

Хоть и сладко было Саввѣ услышать такое слово да еще отъ столь почтеннаго соликамца, а все думалось, какъ бы отдѣлаться отъ неотвязчиваго старика.

— Спасибо, батюшка Никола Провичъ, за твою ласку,—сказалъ Савва кланяясь:—передамъ и родителямъ обо всемъ; да мнѣ строго-на-строго наказывалъ ба...

Тутъ языкъ онѣмѣлъ у Саввы: скрипнула дверь, и на порогѣ показалась его красавица...

Престарѣлый Боженъ былъ женатъ. Съ годъ назадъ обвѣнчался третьимъ бракомъ съ бѣдной дѣвицей одной, сироткой.

— Въ самую пору пришла ты, Анѳисонька,—сказалъ старикъ женѣ:—вотъ онъ, Грудцынъ, о коемъ

говорилъ я тебѣ. Ужъ теперь залучили, не выпустимъ: молодецъ пристанетъ у насъ.

Не долго пришлось Божену уговаривать Савву: какъ вихорь влетѣлъ онъ въ гостиницу, рассчитался, захватилъ пожитки и былъ таковъ, не сказавъ даже добраго слова прежнимъ своимъ хозяевамъ.

Сѣли обѣдать. Никола Провичъ закидалъ гостя вопросами: говорливъ былъ старикъ. Ужъ о чемъ только не спрашивалъ: и о церквахъ казанскихъ, и о торговлѣ, и о налогахъ... Савва едва успѣвалъ отвѣчать,—хоть ложку брось.

— А кто, бишь, у васъ воевода?—спросилъ Боженъ.

— Годуновъ, Матвѣй Михайловичъ.

— Ну, милостивъ ли? вѣдь теперь съ Годуновыхъ спеси-то посбили?

— Не слышать, чтобъ жаловались,—сказалъ Савва, да и вспомнилъ, какъ онъ отличился недавно, что вся Казань восхваляла его. Усмѣхнулся простовато, откашлялся и рассказалъ Божену о томъ.

Боженъ до слезъ смѣялся.

— А ты у нашего былъ ли съ поклономъ?—спросилъ старикъ, насмѣявшись вдоволь.

— Не догадался, да и ничего мнѣ о томъ не упомянуто.

— Теперь поклоны эти оставлены, — вмѣшалась Анѣиса:—кто хочетъ нестеть, а то и такъ.

— Вотъ и мы это слышали,—сказалъ Савва.

— Ну, да, оставлены!—сказалъ Боженъ, подмаргивая:—въ одно крыльцо не пустятъ, а ты, не будь плохъ, иди въ другое. Сходи, соколикъ, сходи! Вдругъ какое дѣло выйдетъ? По золотому мосточку легче перейти.

— Только бы взялъ!—смѣясь отвѣтилъ Савва.— Вотъ буду отъѣзжать, тогда и схожу.

— Ну, и такъ хорошо!—одобрилъ Боженъ.—А скоро ли управишься?

— Богъ вѣдаетъ! Тороплюсь, да знать раньше Троицына дня не управиться.

— А мы и рады, что не скоро,—посмѣялся Боженъ.

Улыбнулась Саввѣ и красавица Анѣиса. Она не проронила ни одного его слова и знай потчивала гостя всякими яствами.

Пообѣдали. Боженъ провелъ Савву въ его покой.

— Вотъ тебѣ, касатикъ, свѣтелочка, — сказалъ старикъ, — и оконце въ садикъ... чѣмъ худо? Ну, устраивайся, а я пойду сосну.

— Будто какъ во снѣ,—прошепталъ Савва, оставшись одинъ и думая о красавицѣ, съ которой неожиданно очутился теперь подъ одной крышей.

Началъ разбираться. Свѣтло такъ въ его покойчикѣ, весело; весеннее солнышко ярко освѣщало его, вѣтеркомъ тянуло въ открытое окно, и пахло свѣжей зеленью. Разбирается Савва, вдругъ слышитъ,—Анѣисинъ голосъ изъ сада къ нему:

— Не къ спѣху дѣло, Савва Ѳомичъ, разобратъся и въ сумерки можно; вышелъ бы въ садъ, пока солнышко не сѣло.

Глянулъ Савва въ окно, — она сидитъ на скамьѣ подъ липою, повязку на головѣ оправляетъ—волоса у нея повыбились—смотритъ на него, улыбается. Прекраснѣлъ онъ, какъ маковъ цвѣтъ.

— И то грѣшно,—говоритъ, — въ такое ведрышко взаперти сидѣть.

Та все молчитъ; а волоса никакъ ея не слушаются.

— Хорошъ садъ у васъ, — сказалъ Савва, и переѣхалъ до половины въ окно.

Словно какая-то сила не пускала его выйти къ красавицѣ.

— Что за садъ! — отвѣтила Анѣиса: — у васъ въ Казани небось садъ!

— Яблонь у насъ поменьше будетъ... Ишь духъ отъ цвѣту какой! — и онъ потянулъ носомъ.

— Выходи, что ли, — молвила Анѣиса.

Постоялъ еще Савва у окна... и тихо пошелъ въ садъ. Вошелъ въ калитку, понюхалъ одинъ цвѣтокъ, понюхалъ другой, и сѣлъ на краюшекъ скамейки поотдалъ отъ Анѣисы.

Лишь въ лавкѣ, невзначай, Савва глянулъ на красавицу во всѣ глаза, а послѣ только мелькомъ взглядывалъ на нее; чуть та поварачивалась къ нему, опускалъ глаза, — какъ солнце слѣпила Савву ея красота. И ничего ему въ голову путнаго не лѣзло, чтобъ поскладнѣе начать разговоръ.

Спросила Анѣиса, стара ли мать его, есть ли сестры.

— Небось, — говоритъ, — скучаешь на чужой сторонущкѣ?

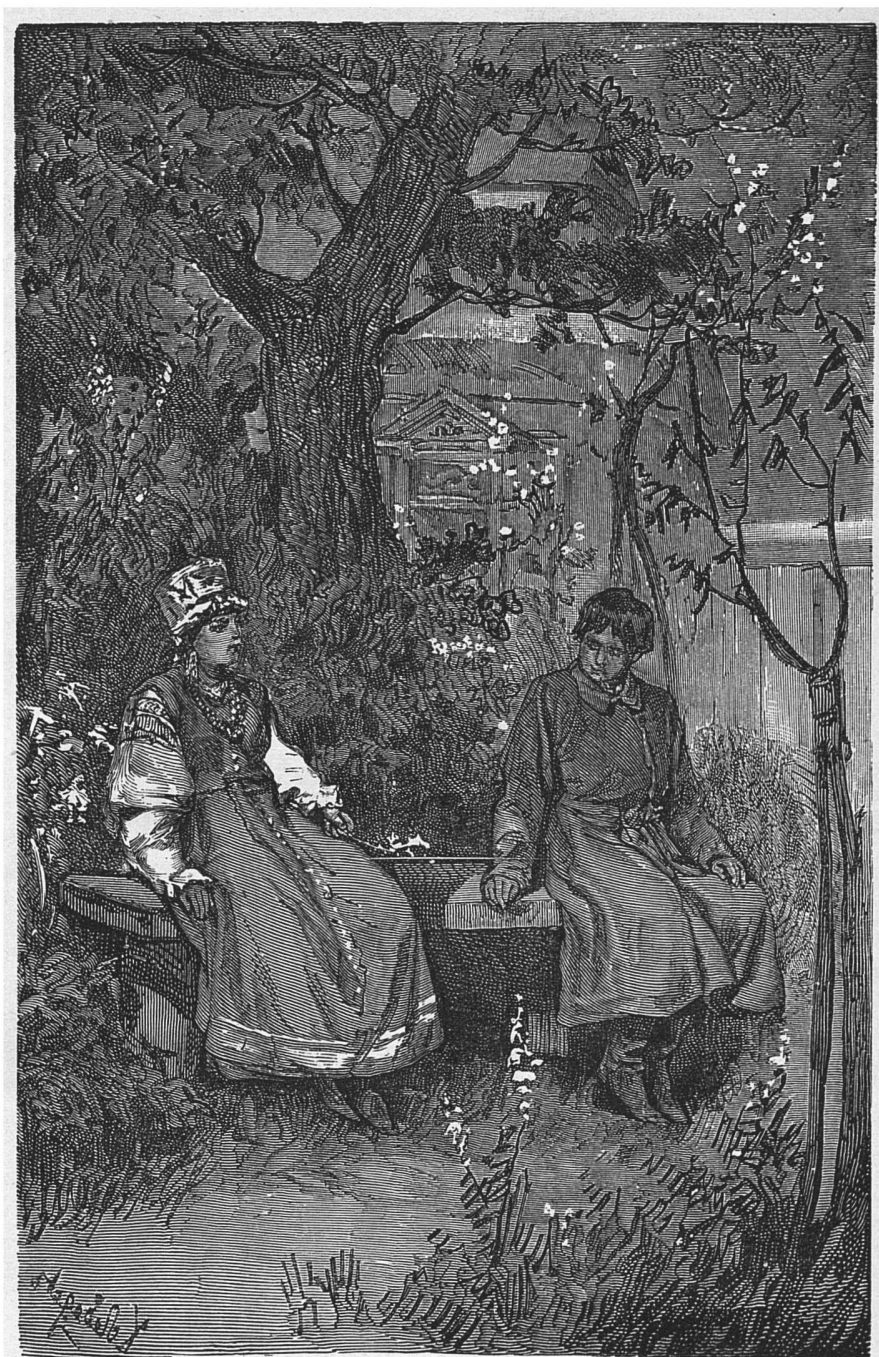
— Первый еще день выдался мнѣ здѣсь такой радостный, — отвѣтилъ Савва: — будто отецъ съ матерью стали ко мнѣ ближе: говорилъ все о нихъ, — думается, будто съ ними говорилъ. А вамъ не далъ Богъ дѣтокъ? — сорвалось у него съ языка.

Спохватился, да слова не воротить. Уткнулся со стыда въ землю, не знаетъ, какъ изъ бѣды вывернуться. Анѣиса ни слова. Покосился Савва, — видитъ: она, вся зардѣвшись, тоже въ землю глядитъ. Вдругъ разомъ отклонилась, блеснула бѣлыми зубами.

— Ишь ты, — говоритъ, — что спросилъ!

И переглянулись они нечистымъ взглядомъ.

— А вѣдь я тебя раньше видѣла, — сказала Анѣиса.

Вошелъ въ калитку, понюхалъ одинъ цвѣтокъ, понюхалъ другой, и сѣлъ на краюшкѣ скамейки поотдаля отъ Анфисы. (Стр. 12).

